

ИСТОРИЯ НАУКИ

DOI: 10.30695/zrmo/2019.1481.02

© Т. Б. ИЛЬИНСКАЯ

РОССИЙСКОЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (В XIX—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.)

*Военная академия материально-технического обеспечения,
кафедра русского языка,
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 8;
e-mail: tb-il3@yandex.ru*

Статья посвящена анализу материалов по истории науки, дающих возможность уяснить роль Российского минералогического общества в развитии творчества ученых. Автора прежде всего интересовало личностное, «человеческое» измерение проблемы. Материалом для ее решения послужили мемуары и эпистолярный ученых, а также историографические материалы, сопровождающие деятельность РМО в период с XIX до середины XX в. 200-летний юбилей РМО был ярким свидетельством жизнеспособности Общества, поэтому в центре внимания автора были те «центроостремительные силы», которые позволили сохранить РМО, тогда как многие другие научные общества распались. В ходе анализа названных материалов выделяются следующие мотивы, определяющие работу ученого в рамках научного общества: простор для личной инициативы, возможность консолидации усилий, материальное обеспечение исследований. Были выявлены дополнительные стимулы для членства в РМО: Общество как послеуниверситетская школа, Общество как гарант традиций научной этики. Кроме того, выявлен двойной генезис РМО, которое явилось продолжением европейской линии развития минералогии и в то же время дало начало новому направлению в отечественной науке, которое со временем становится ведущим.

Ключевые слова: научное общество, Российское минералогическое общество, Геолком, А. П. Карпинский, Н. И. Кокшаров, Е. С. Федоров, А. П. Герасимов, Д. П. Григорьев, мемуаристика, история науки, история минералогии.

*T. B. ILINSKAYA. RUSSIAN MINERALOGICAL SOCIETY
AS A SOCIO-HISTORICAL PHENOMENON
(RUSSIAN MINERALOGICAL SOCIETY
IN THE XIX—FIRST HALF OF THE XX CENTURY)*

*Military Academy of Material and Technical Support,
Department of Russian Language,
Saint Petersburg, Russia*

The article is an analysis of materials on the history of science (primarily mineralogy), which make it possible to understand the role of scientific societies in the development of the creativity of scientists. The author of this article was primarily interested in the personal, «human» dimension of the problem. The materials for solving this problem were the memoirs and epistolary of scientists, as well as historiographic materials accompanying the activities of the Russian Mineralogical

Society in the period from the 19th to the middle of the 20th century. The recent 200th anniversary of the RMS was a vivid testimony to the viability of the Society, and therefore the focus of the author of the proposed article was that of the «centripetal forces» that allowed the RMS to be preserved, while many other scientific societies disintegrated. In the course of the analysis of the above materials, the following motives are outlined that determine the work of the scientist within the scientific community: scope for personal initiative, the possibility of consolidating efforts, material support for research. Additional incentives for membership in the RMS were revealed: the Society as a post-graduate school, the Society as a guarantor of the traditions of scientific ethics. In addition, the double genesis of the RMS was revealed, which was a continuation of the European line of mineralogy development and at the same time a new direction in domestic science, which eventually becomes the leading one.

Key words: Scientific Society, Russian Mineralogical Society, Geolkom, A. P. Karpinsky, N. I. Koksharov, E. S. Fedorov, A. P. Gerasimov, D. P. Grigoriev, memoirs, history of mineralogy.

В ряду разнообразных форм научного творчества особое место занимает научное общество. С одной стороны, это ассоциация ученых, организованная «снизу», в отличие от государственных научных учреждений, которые становятся местом службы (Академия наук или, например, Геолком России, в котором также служили не чиновники, а ученые). С другой стороны, говоря о научном обществе как типе научной организации, необходимо сказать, что оно носило более упорядоченный, «организованный», характер, чем, положим, научные кружки или семинары, роль которых в истории науки также чрезвычайно велика. Примерами таких неофициальных научных сообществ могут служить знаменитые по воспоминаниям Н. В. Тимофеева-Ресовского «трёпы», на которых серьезные научные проблемы обсуждались в подчеркнуто неприукрашенном, даже юмористическом, тоне (Тимофеев-Ресовский, 1995).

Рассматривая личностное измерение анализируемой проблемы, следует заметить, что участие в деятельности научного общества — это не только мощный стимул для собственных исследований. Научное общество порой становится настолько важной частью судьбы ученого, что даже на пороге смерти остается тем, что привязывает к жизни. Такое поразительное свидетельство можно обнаружить в воспоминаниях профессора Ленинградского горного института (ныне Санкт-Петербургский горный университет) Д. П. Григорьева, который описал юбилейное заседание Минералогического общества, происходившее в блокадном Ленинграде 19 января 1942 г., когда в традиционный день и час немногие оставшиеся в живых ученые собрались при свете коптилки в неотопляемом зале. Путь на это заседание научного общества был не только труден для истощенных от голода людей, но и опасен: рядом с Горным институтом находились военные заводы, и эта часть набережной постоянно обстреливалась. На этом заседании, где присутствовало всего 6 человек, был прочитан доклад «Основание Минералогического общества в Петербурге 19 (7) января 1817 г.». После доклада, как пишет Д. П. Григорьев, выступавшие «с удовлетворением оценивали значение юбилейного заседания как признака неуклонного продолжения 125-летнего дела» (Григорьев, 1968).

Таким образом, профессиональная и личностная необходимость научных обществ очевидна. Какие же мотивы становятся для ученых связующими нитями с научным обществом? Почему крупнейшие ученые отдавали столько сил организационным, порой рутинным, делам научных обществ, отрывая время от чистой науки?

В поисках ответа на эти вопросы особенный интерес представляет обращение к деятельности Российского минералогического общества, которое, являясь старейшим отечественным естественнонаучным обществом, позволяет осознать роль такого рода научных объединений на большом историческом отрезке (XIX—XX вв.). Мало того, 200-летие РМО заставляет задуматься об истоках такого исключительного долголетия. Многие научные общества, существовавшие какое-то время, давно сошли со сцены.

Для разрешения этих вопросов необходимо обратиться не столько к юбилейному красноречию, сколько к таким материалам, как мемуаристика и переписка ученых.

Одним из первых побудительных мотивов для участия в работе научного общества становится, по-видимому, особый характер этой научной ассоциации. Как было обозначено выше, научное общество занимает *промежуточное положение* между двумя полюсами, на одном из которых — жесткая регламентация, на другом — абсолютная свобода. Так и Российское минералогическое общество образовалось как небольшой кружок частных лиц, объединенных общим интересом к минералогии. Неслучайно, что в названии старейшего российского научного общества — Вольного экономического общества (1765) — на первом месте стоит слово Вольное. В терминологии XVIII в., Вольное общество — это свободное, независимое, самостоятельное, никому не подвластное, не регулируемое государством, казной.

Таким образом, главной чертой научных обществ был их неофициальный характер, это было добровольно-общественное дело. В истории русской науки имеется интересный факт предпочтения именно такой научной ассоциации. В 1903 г. А. П. Карпинский ушел из Геолкома, а на посту главы РМО остался, невзирая на колоссальную нагрузку по Академии наук. Объясняя мотивы такого выбора в пользу РМО, автор книги «Карпинский», изданной в серии «Жизнь замечательных людей», пишет, что Карпинским руководило желание работать там, где научное познание опережало коммерческие соображения.¹ Однако в этом противопоставлении Геолкома, ориентированного на требования промышленности, и РМО, возможно, нельзя видеть единственное объяснение решения А. П. Карпинского.

Переходя к другим мотивам, которые влекли ученых в ряды научных обществ, необходимо прежде всего выяснить, не было ли участие в научном обществе в основном данью традициям профессионального общения. Для этого следует рассмотреть причины массового появления научных обществ в России начала XIX в. (1804 — Общество истории и древностей российских, 1805 — Московское общество испытателей природы, 1817 — Санкт-Петербургское минералогическое общество, 1818 — Санкт-Петербургское фармацевтическое общество и т. д.). Это было отечественной или перенимаемой с Запада традицией научного общения? Пристальное рассмотрение истории

---

¹ Эта мысль последовательно проводится в книге Я. Н. Кумока «Карпинский» (М., 1978. С. 84, 98, 120). Популярная манера изложения, характерная для серии «Жизнь замечательных людей», не предполагала документального подтверждения для ее каждого положения. Но тем не менее приведенные факты вызывают определенное доверие, поскольку книга изобилует ссылками на мемуарные свидетельства людей, бывших в профессиональном окружении Карпинского. Автор, сам по специальности геолог, собрал разнообразные биографические материалы для своей монографии, что позволило прозвучать голосам очевидцев важных событий в истории геолого-минералогического сообщества.

РМО позволяет сделать *вывод о двойном генезисе научных обществ*. Действительно, оно образуется вслед за такими научными ассоциациями, как Минералогическое общество Йены (1797), Британское минералогическое общество (1799—1806), Минералогическое общество Дрездена (1816), и в списке учредителей и членов РМО — две трети немецких фамилий. Но научные общества быстро укореняются на российской почве и становятся органичной частью отечественной науки. Таким образом, РМО, с одной стороны, продолжило европейскую линию развития минералогии, а с другой — двигалось в новом русле отечественной науки, которое через полвека станет главным (Степанский, 1987). Поэтому традиционность форм профессионального общения в рамках РМО не была ведущим мотивом работы ученых, научное общество быстро прививается на русской почве и становится живым делом.

Переходим к другим мотивам организации научных обществ.

Научное общество как точка приложения сил. В научной области всегда есть задачи, решение которых не по плечу одному человеку. Поэтому в программах научных обществ столь значима идея общего дела. Уже в начальный период РМО, как явствует из документов общества, пафос общего дела многое определял в его работе. Так, цель РМО в XIX в. — геологическое изучение территории и составление геологической карты России — была невыполнима для одного человека. РМО становится первым организующим началом геологического исследования территории страны. Руководители РМО сумели добиться выделения государственных средств на первые экспедиции такого рода. Таким образом, научное общество становится местом координации усилий, которая только и могла привести к такому результату, как создание Геолкома, среди организаторов которого были члены РМО. Уже в этот период РМО знало эпохи упадка, но были люди, которые, обнаружив верность, преданность, любовь к делу, додержали Общество до лучших времен (Григорьев, 1974).

Научное общество как «фондодержатель». Этот мотив был одним из ведущих в XIX в., особенно в тот период развития научного общества, когда оно могло, аналогично современному РФФИ (Российскому фонду фундаментальных исследований), частично финансировать научные изыскания. Так и РМО во второй половине XIX в. переживает существенное изменение своего статуса. Благодаря незаурядной энергии Н. И. Кокшарова, занимавшего председательское кресло не одно десятилетие, общество начинает получать значительные государственные субсидии и пожертвования от частных лиц. Возможность участвовать в организуемых Обществом экспедициях, на которые отпускались немалые средства, естественно, привлекала многих ученых. Даже после того как РМО перестало определять геологическую политику страны (эти функции были переданы Геолкому), в его руках были сосредоточены значительные финансы, дававшие возможность организовывать геолого-минералогические исследования.² На средства РМО был изготовлен изобретенный Е. С. Федоровым гониометр, а самому Федорову, находившемуся в стесненных материальных обстоятельствах, РМО дало премию (Шафрановский, 1963).

---

² Например, в 1892 г. РМО снарядило 3 экспедиции с финансированием на сумму 1200 р. (Записки ИмСПбМО. 1892. Ч. 29. С. 199—201).

Кроме того, своеобразным центром отечественных геолого-минералогических наук стал журнал «Записки РМО», который со временем перешел с общепринятого в науке немецкого языка на русский. Во главе «Записок РМО» всегда стояли самые авторитетные деятели Общества, и это издание, осуществляемое Обществом, также обеспечивало возможность полноценной работы ученых.

Научное общество как послеуниверситетская школа. Именно так сформулировал роль РМО в своей профессиональной судьбе академик А. Н. Заварицкий (Соловьев, 1967). Этот глубоко личный импульс впоследствии заставлял его не жалея сил работать для РМО, оставаясь много лет на посту главы Общества. Осмысляя «педагогическую» миссию Минералогического общества, А. Н. Заварицкий в своем письме писал, что «...это была школа, пробуждающая стремления в научной работе прежде всего искать истину, школа, воспитывающая уважение к взглядам других и заставлявшая критически относиться к своей работе и к своим достижениям» (Соловьев, 1947).

Мемуаристика ученых весьма часто содержит воспоминания о той профессиональной поддержке, которую получает молодой человек в своем научном сообществе. Так, акад. Н. И. Кокшаров писал, что ему, «новичку, шедшему ощупью», часто разочаровывавшемуся в себе как в исследователе, научное общество не раз помогало в начале пути: «Общаясь, получаешь новые силы и указание пути <...> и я продолжал мои наблюдения с удвоенным рвением» (Кокшаров, 1890). Е. С. Федоров, чей путь в науке был весьма сложным, именно на страницах «Записок РМО» нашел первое признание значимости своих трудов.³ О необыкновенно благоприятном «климате» РМО для подлинного научного становления писали и другие ученые: именно в РМО они смогли ощутить атмосферу творчества и преданности науке.

Мало того. РМО никогда не имело характера элитарной замкнутости: оно всегда было доступно и для геологов, не получивших специального высшего образования, и для студентов, да и просто любителей камня, романтиков, увлеченных коллекционированием и геологическими походами. В этом отношении Общество оставалось верным тем традициям, которые были заложены его основателями, среди которых были как минералоги-профессионалы, так и энтузиасты, живо интересующиеся этой областью знания. К ним в РМО никогда не относились свысока, как к «дилетантам», — наоборот, духовная атмосфера Общества была не совместима с любыми проявлениями ученого снобизма. И сейчас РМО открыто для всех, кто хочет включиться в научный поиск.

Научное общество как стимул для индивидуальной работы. Этот побудительный мотив тесно связан с предыдущим. Как свидетельствует мемуаристика, необходимость в научном общении, в обмене информацией и впечатлениями, испытывает большинство ученых; история науки знает не так много ученых-отшельников, для которых разного рода научные ассоциации — это суета, отвлекающая от дела.

Научное общество как «площадка» для диалога ученых разных научных школ и разной ведомственной принадлежности. Объединяющая миссия РМО особенно ярко стала проявлять себя во второй половине XX в. Высокий авторитет Общества привел к тому, что его научные форумы и стра-

---

³ В 1885 г. в 21 т. «Записок ИмпСПБМО» были напечатаны его «Начала учения о фигурах».

ницы печатных изданий стали полем для творческого взаимодействия представителей широкого круга разноведомственных организаций: академической и вузовской науки, высшей школы, производственных организаций, органов государственного управления — отраслевых министерств. Минералоги разных сфер деятельности: и ученые-преподаватели, и академические ученые, и геологи-практики, и ученые-администраторы — все они видели в РМО высшую для себя инстанцию, способную воспринимать новые идеи в развитии науки и нацеливать общество на их реализацию в практической деятельности для решения актуальных государственно значимых задач.

Как известно, такая «контактоустанавливающая» роль РМО в 70-х гг. XX в. явилась, например, истоком нового научного направления — технологической минералогии, оказавшего влияние на совершенствование методики минералогического изучения и технологии переработки руд. В процессе обсуждения возникающих при этом научно-практических вопросов в РМО вывелись идеи о совершенствовании системы подготовки молодых специалистов, способных эти вопросы решать. В результате обсуждения этой проблемы на съездах РМО и на страницах научных изданий, а также при активном взаимодействии с вузовскими и министерскими учебно-методическими комиссиями РМО оказало существенное влияние на совершенствование методики преподавания кристаллографии и минералогии в горно-геологических вузах страны. В учебные планы подготовки геологов были введены новые учебные дисциплины, начата подготовка горных инженеров-геологов по новым специальностям (Марин, Рундквист, 2017).

Научное общество как хранитель профессиональных традиций и научной этики. Морально-этическая составляющая становится серьезным основанием для участия в деятельности научного общества, поскольку разные объединения ученых могут иметь и теневую сторону. О корпоративной замкнутости научных сообществ, о «войнах» в ученом мире писал, в частности, К. А. Тимирязев: «Тесный кружок единомышленников, мнящий себя центром нового, мирового движения, который распределяет между своими членами роли гениев»,⁴ и отторгает новаторов. Поэтому так важны в научном мире моральные ориентиры, особенно если с ними связаны имена людей, ставших воплощением профессиональной чести. Например, когда акад. А. П. Карпинский возглавлял РМО, никогда не возникало конфликтов и споров из-за распределения финансовых средств; одно его участие в любом «проекте» обеспечивало высоту научной этики. Об этом свидетельствовал А. П. Герасимов: «Много такта и знаний требовалось от председателя, когда приходилось <...> распределять те небольшие суммы, которые отпускались Обществу на производство исследований в поле; надо было выбрать достаточно интересный объект исследований и вместе с тем такой, который не привлекал бы к себе внимания других научных организаций, надо было подыскать исполнителя, которому намеченная задача была бы близка и интересна и который оказался бы достойным доверия Общества. Трудно учесть все то моральное влияние, какое такой человек, как Александр Петрович Карпинский, имел на наше Общество» (Герасимов, 1937).

Высота научной этики в РМО, верность членов общества главным принципам научного познания (доказательность и объективность), а также сле-

---

⁴ Тимирязев К. А. Сочинения. 1937. Т. 7. С. 419.

дование важнейшему методу познания — наблюдению — создавало особую атмосферу в отечественной минералогии, которая делала невозможным процветание беспринципных карьеристов от науки. Категория научной советности — не декларируемая, но явная в подтексте мемуаристики Н. И. Кокшарова, В. И. Вернадского, пребывавшего четыре года на посту вице-президента РМО, — одно из мощных средств транслирования ценностей профессиональной этики.

Научная этика предполагает и чувство благодарности коллегам — и живущим, и уже ушедшим. Такого рода человеческие связи воспринимались как особое родство «по научной линии», и в мемуаристике многих ученых примечательны метафоры родства. РМО — это родной *Дом*, а предшественники в науке — *предки* (у Н. И. Кокшарова); РМО — это *Братство* (у А. П. Карпинского); РМО — это *дитя*, нуждающееся в заботе (у П. В. Еремеева, известного своим, прежде всего, преподавательским талантом). Понятие «научной семьи» явно вырисовывается в мемуаристике ученых, заслоняя мотивы научного соперничества.

Этот побудительный мотив участия в РМО, мотив «родственности», тесно переплетается с предшествующими. Возможно, синтез названных доводов и объясняет позицию больших ученых, стоявших во главе РМО. Для них научное общество связывалось с ответственностью за общее дело и пониманием необходимости сохранять научные традиции. Поэтому они и шли на то, чтобы нести на себе бюрократический груз, а также искать меценатов. Научное общество как способ выживания науки и как глубинная внутренняя потребность оказываются в единстве.

В силу этого научное общество становится центром истории своей науки. В случае РМО так и было. Невзирая на огромную преподавательскую, административную и исследовательскую занятость главы РМО Н. И. Кокшарова, при нем начинается масштабная популяризация минералогии, а также публикуются материалы по ее истории. Причем сам Кокшаров пишет очерки по истории своей науки, собирая сведения об истоках РМО. Интерес и уважение к деятельности коллег и предшественников стимулировал развитие еще одного направления его трудов — истории минералогии.

Какие еще обстоятельства удерживали в рамках РМО? Стоявшие во главе Общества Н. И. Кокшаров, А. П. Карпинский, В. И. Вернадский — это эпики по своему научному складу, для исследовательского мышления которых была характерна всеохватность («Геологу нужна вся Земля» — этот афоризм особенно уместен в отношении геолога с научным темпераментом синтетического типа). Они и тратили время и силы на неизбежное администрирование, поскольку мыслили не отдельными фрагментами научных областей, а более масштабно,⁵ что и определяло необходимость РМО для них.

Подводя итоги, необходимо сказать, что в разные эпохи существования РМО одни из выделенных мотивов становились первостепенными, другие

---

⁵ В подтверждение этого положения можно привести фрагмент из неопубликованного письма Н. И. Кокшарова — письма, не учтенного И. И. Шафрановским в его монографии: «Главнейшие мои занятия в настоящее время состоят в продолжении моего сочинения „Материалы для минералогии России“. <...> Как Вам известно, издание означенной книги занимает меня в продолжение десяти лет и потребует еще много времени и энергии для совершенного его окончания. Медленность издания только кажущаяся, ибо принятый для сочинения план слишком обширен». — ОР РНБ. Ф. 124. № 2076. Л. 1—1об.

уходили на задний план. Но, как свидетельствуют мемуары ученых, неизменным оставалось переплетение соображений, с одной стороны, научного долга, а с другой — духовной потребности в профессиональном сообществе. То есть истоки исключительного двухвекового долголетия РМО — в том, что Общество становилось для очень многих счастливым соединением любви и долга.

Дать определенные ответы на поставленные в статье вопросы становится возможным благодаря таким документам эпохи, как письма и мемуаристика. Поэтому для понимания закономерностей развития науки столь важны воспоминания тех ученых, которые обладают способностью воссоздать в слове живой облик своих учителей и коллег. К таким ценным для науковедения источникам, безусловно, относятся записки Н. И. Кокшарова, А. Е. Ферсмана, В. И. Вернадского, а в историческом сборнике (200 лет Российскому минералогическому обществу, 2017) — публикации Д. П. Григорьева, Д. В. Рундквиста, Ю. Б. Марина и некоторых других.

Список литературы

200 лет Российскому минералогическому обществу. Исторический сборник. СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2017. 468 с.

Герасимов А. П. Краткий очерк жизни и деятельности А. П. Карпинского // ЗВМО. 1937. № 1. С. 1—8.

Григорьев Д. П. Минералогическое общество за 130 лет // ЗВМО. 1947. № 1. С. 19—22.

Григорьев Д. П. Пропущенные страницы истории Минералогического общества // ЗВМО. 1968. № 1. С. 81—84.

Кокшаров Н. И. Воспоминания // Русская старина. 1890. № 3—6.

Кумок Я. Н. Карпинский (Серия «Жизнь замечательных людей»). М., 1978. 328 с.

Марин Ю. Б., Рундквист Д. В. 200 лет Российскому минералогическому обществу // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 4. С. 391—400.

Соловьев С. П. Отчет о деятельности Всероссийского минералогического общества за 1946 г. // ЗВМО. 1947. № 1. С. 110—114.

Соловьев С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. Л., 1967. 232 с.

Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1987. 72 с.

Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания. М., 1993. 230 с.

Шафрановский И. И. Е. С. Федоров. М.; Л., 1963. 144 с.

References

200 anniversary of the Russian Mineralogical Society. Historical collection of articles. Saint Petersburg: VSEGEI Press, 2017. 468 p. (*in Russian*).

Gerasimov A. P. A short outline of the life and activities of AP Karpinsky. *Zapiski VMO (Proc. Russian Miner. Soc.)*. 1937. N 1. P. 1—8 (*in Russian*).

Grigoriev D. P. Mineralogical Society for 130 years. *Zapiski VMO (Proc. Russian Miner. Soc.)*. 1947. N 1. P. 19—22 (*in Russian*).

Grigoryev D. P. Missed pages of the history of the Mineralogical Society. *Zapiski VMO (Proc. Russian Miner. Soc.)*. 1968. N 1. P. 81—84 (*in Russian*).

Koksharov N. I. *Memoirs. Russian Antiquity*. 1890. N 3—6 (*in Russian*).

Kumok Ya. N. Karpinsky (Series «The Life of Remarkable People»). Moscow, 1978. 328 p. (*in Russian*).

Marin Yu. B., Rundkvist D. V. 200 years of the Russian Mineralogical Society. *Bull. RAS*. 2017. Vol. 87. N 4. P. 391—400 (*in Russian*).

Shafranovsky I. I. E. S. Fedorov. Moscow-Leningrad, **1963**. 144 p. (*in Russian*).

Soloviev S. P. Annual Report of the Russian Mineralogical Society for 1946. *Zapiski VMO (Proc. Russian Miner. Soc.)*. **1947**. N 1. P. 110—114 (*in Russian*).

Soloviev S. P. All-Union Mineralogical Society and its role in the development of geological sciences. Leningrad, **1967**. 232 p. (*in Russian*).

Stepansky A. D. History of public organizations of pre-revolutionary Russia. Tutorial. Moscow, **1987**. 72 p. (*in Russian*).

Timofeev-Resovsky N. V. Memories. Moscow, **1993**. 230 p. (*in Russian*).

Поступила в редакцию
3 сентября 2018 г.